

МИГРАНТОФОБИЯ: КСЕНОФОБИЯ И КСЕНОЛОГИЯ

© 2012 г. Дегтярев А. К., Щербакова Л. И.

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Рассмотрены особенности ксенофобских настроений в современном российском обществе в отношении мигрантов. Опровергается постмодернистский тезис о потере ощущения коллективной идентичности, настроений номадности, принятия как аксиомы повседневной жизни плюрализма интересов и ценностей в современном российском обществе.

Ключевые слова: иммиграция; ксенофобия; коллективная идентичность; диаспоры; анклавизация.

In the article authors review the xenophobic state of public opinion in nowadays Russian society, as a basic idea for the interrelations with the immigrants. Authors contradict the postmodernists' ideas of the cooperative identity lack, nomadism and taking on the pluralism of the interests and values as the postulates for Russian society's everyday life.

Key words: immigration; xenophobia; cooperative identity; diaspora; appearance of the enclaves.

Нельзя размышлять о вызовах глобализуемого мира, не принимая во внимание проблему миграции, которую английский исследователь Э. Гидденс относит к рискам современности. На наш взгляд, российское общество оказалось в пике этой проблемы и не случайно мигрантская тема звучит на разных уровнях общественной жизни. От этой проблемы нельзя так просто «отмахнуться», хотя бы потому что она обретает, кроме социально-экономического и культурно-идентификационного аспекта, и явно эссенциальный смысл.

Речь идет о том, что иммиграция в Россию влияет на будущее страны, ее государственное устройство, перспективы интеграции в глобализуемое сообщество, и главное — на то, как ощущают, какое место отводят себе россияне в повседневной жизни. Есть немалая проблема с тем, как следует писать о миграции, и это выражается в консенсусе по табуированию культурного и социального расизма, по опасениям ксенофобии, деформирующей социальное доверие и имеющей в качестве результата недоверие «всех против всех». С другой стороны, на-

верно, было бы явным упрощением видеть в тревогах и негативных коннотациях простого человека только эмоциональную оценку «чужих», или рассматривать мигрантскую проблему как конструируемую и внедряемую в общественное сознание определенными общественно-политическими силами.

Разумеется, нельзя полагать, что интерес к роли и значению иммиграции в российском обществе не поддерживается в информационном и политическом пространстве; также очевидным является то, что миграция входит в повседневный дискурс россиян, становится интегральной частью социальной самооценки и социального самочувствия. Итак, разговор о миграции нужно, на наш взгляд, начинать с двух утверждений отрицательного свойства. Не следует, во-первых, считать, что негативная оценка миграции есть позиция социально-маргинальных или социально-ущемленных слоев населения, радикальных политиков и национал-экстремистов. Во-вторых, явно тенденциозно рассматривать мигрантофобию как дефицит культуры толерантности, терпимости в обществе и веровать в императивность воспитания толерантности.

Можно, конечно, исходить из того, что мигрантофобия есть плата общества за открытость, которая не была присуща предшествующему советскому периоду, или исполниться позитива считая, что если Россия привлекательна для иммиграции, следовательно, достигнут определенный экономический и социальный прогресс. Предметом нашего рассмотрения должна стать мигрантофобия как социальная рефлексия, не свободная от стереотипизированного мышления, но имеющая основания в повседневности — в том, что называют «практической логикой».

Ведь если полагать, что в российском обществе существуют проблемы, которые невозможно решить без иммиграции, что без притока мигрантов не только стагнирует российская экономика, но и проблематичным становится существование России как суверенного государства, то мы являемся заложниками социального мифотворчества, нацеленного на признание безальтернативности иммиграции как ресурса развития страны. Не стоит выяснять, какие чувства и какие цели преследуют иммигранты, которые, как и большинство мигрантов в современном мире, действует также по правилам практической логики, надеясь оказавшись в России облегчить или решить собственные житейские, социально-бытовые проблемы. Поэтому нельзя иммигрантскую среду оценивать «идеально», предъявлять требования относительно хорошего знания русской культуры и языка, высокого уровня законопослушности и, наконец, проявлений патриотизма, связанного с готовностью стать гражданами России.

Также нельзя согласиться с постмодернистским тезисом о потере ощущения коллективной идентичности, настроений номадности, принятия как аксиомы повседневной жизни плюрализма интересов и ценностей. При этом совершенно очевидно, что российское общество не функционирует таким образом. Подтверждением тому является, во-первых, исключение мигрантской проблематики из матрицы социального самоопределения, то есть если россияне оценивают свое отношение к государству и обществу, то иммигранты не присутствуют в качестве значимой фигуры. Во-вторых, мигрантская проблематика во многом «безлика», и выступает

концентрированным обобщением мнений множества простых россиян.

В современных условиях выявляется, что если мигрант и становится «другим» то это связано со включением повседневную жизнь, с тем, что в социальном взаимодействии иммигрантское сообщество начинает артикулировать собственные представления и интересы о должном, желательном и недопустимом. Происходит то, что Ю. Хабермас называет «колонизацией жизненного мира», когда размываются границы между частным мнением и публичным дискурсом по поводу миграции и иммигрантов.

При том, что российское общественное пространство фрагментировано и смещено в социальный микромир, мигрантофобия, установка на принятие иммигрантов как потенциальных носителей социальных рисков и тревог, или обладающих явно деструктивными или иррациональными социальными качествами предъявляется обществу как код социальной взаимозависимости, как признание влияния этой проблемы на все социальные слои и группы, даже если они существуют в параллельных социальных мирах.

Соблазнительным представляется видеть в мигрантофобии обоснования негативного единства российского общества и успешности негативной мобилизации: подозрительность или неприятие других выводится из социальной разобщенности, из чувства бесилия или апатии в оценке социальных процессов и событий и замещении социальной ущемленности агрессивностью по отношению к мигрантам. Но от такого вывода следует отказаться, так как при напряженности в сфере иммиграции, российское общество достаточно сдержано и даже пассивно относится к эксцессам повседневной жизни, в которых мигрантам могут приписать роль абсолютных злодеев, или стигматизировать на основании отказа от интеграции. То, что часто интерпретируется в качестве доводов обострения ситуации в этой сфере в большей степени построено на мифологизации, на придании фактам повседневности значения предостережения или апокалиптичности.

На наш взгляд, это имеет объяснение в низкой компетентности населения относительно масштабов и качества иммиграции, в

том, что даже контролирующие институты не в состоянии, или по корпоративным установкам не могут определить не только количественные параметры иммиграции, но и реально стимулируют раздражение обывателя относительно беспомощности или коррупционности указанных структур, их неспособности регулировать миграционные потоки. В результате граждане становятся лишь потребителями достаточно несвязной, противоречивой и часто недостоверной информации, что определяет внесение в эту проблему степени гипертрофизации, ее расширения до уровня неразрешимости и неопределенности.

Современное российское общество подверглось на протяжении последнего периода серьезным структурным трансформациям и не достигло социально-ценностного консенсуса, что явно делает размытыми критерии отношения к иммиграции по идентификационным или аксеологическим основаниям. Иными словами, простой россиянин не может с полной уверенностью ожидать реализации правила «со своим уставом в чужой дом не входят». Следует учитывать, что большинство россиян живут по принципу «круга близких», оценивают моральные или социальные добродетели преимущественно в социальном микропространстве и выходя за его пределы принимают позицию не только подозрительности, но и безразличия.

Поэтому нелепо обвинять мигрантов в том, что они пренебрегают нормами социального согласия или не ориентируются на ценности принимающего общества. Также очевидным является и тот факт, что если существует несколько «россий», иммигрантское общество впадет в состояние социальной дезориентации, если не определит свое бытие по логике социального дистанцирования, как и группы «коренного» населения.

Вероятно, если эта позиция и вызывает негатив со стороны российского общества, то дело в том, что большинство россиян не готовы признать, что социальная разобщенность и социальное недоверие достигли в обществе критических пределов, что реальным является внутренний распад общества, и разрыв институциональных связей, и деформация сферы межличностных отношений. В отличие от европейского сообщества, где эти проблемы связаны с неудачной попыткой

реализовать идею мультикультурализма, для россиян точкой отсчета мигрантофобии является большая социальная сплоченность мигрантов, социальная кооперация и социальная взаимопомощь в повседневной жизни.

Это можно назвать клановостью, этнократизмом, национальной самоизоляцией или латентной «русофобией», но по существу российское общество не предложило иммигрантам привлекательного и эффективного проекта интеграции, имеющего основы в традициях цивилизационного единства российского общества. Явным заблуждением является представление о том, что иммигранты обязаны находить пути «сосуществования» с россиянами только потому, что «другие» или «чужие». Не принимается во внимание тот факт, что, несмотря на двадцатилетний «развод» на межгосударственном уровне, даже если мигрант слабо владеет русским языком и практически не имеет понятия о русской культуре, руководствуется достаточно смутными представлениями о правовых нормах, применяемых в российском обществе, нужно принимать во внимание неосознанные убеждения, что Россия наиболее приемлема для миграции, так как еще в недавнем прошлом была «своей» страной. Иначе говоря, можно предположить, что для иммигранта, если он из ближнего зарубежья (а таковых абсолютное большинство), не существует барьеров, связанных с тем, что принимаемое общество является обществом социального исключения. Действительно, различия, которые существуют между иммигрантами и россиянами не воспринимается иммигрантской средой как повод для того, чтобы доказать равные возможности или убедить российское общество в том, что оно нуждается в социальной эмпатии и взаимопонимании. Конечно, влияние оказывает и включение иммигрантов в замкнутые сообщества, действующие по принципу социального обособления, но и не в меньшей степени то, что российское общество имеет низкий уровень самоорганизации, то, что хотя россияне поддерживают идею социального альтруизма, за постсоветский период стали руководствоваться правилом «опоры на собственные силы».

Не представляется обоснованным утверждение С. Г. Ильинской о том, что монолитность этнических диаспор, находящихся

на полулегальном положении, способствует преимуществам в трудовых и социальных практиках [2]. Конечно, в российском обществе с высоким уровнем применения неформального социального капитала диаспоры не сторонятся практик неформальных договоренностей на любом уровне власти или бизнеса. Но, на наш взгляд, более существенным является схема «избегания» взаимответственности, когда ориентированные на отчужденность общественной сферы россияне считают, что проблемой иммиграции должны заниматься государственные органы и часто — что с репрессивным уклоном, а для населения важно, чтобы мигранты никак не заявляли о своем присутствии. Если эту позицию назвать ксенофобской, то тогда следует признать за российским обществом качества нетерпимости, недоверия и подозрительности к другим.

Рассуждая таким образом, можно обвинить россиян в увлеченности этноцентризмом и этническим реваншем. Если же судить по динамике политических предпочтений, то партии, которые хотели бы сыграть на антимигрантском тренде, в России не имеют, по крайней мере, в обозримом будущем, перспектив обрести легитимацию. Для россиян не свойственно считать, что мигранты являются социальными нахлебниками, претендующими на дармовой пирог, что мигранты ставят под сомнение нормы российского общежития и что именно мигранты поддерживают религиозно-экстремистские и национал-радикальные движения.

Представляется, что данная тенденция ближе для обществ «латентного» расизма и может состояться в России, если у иммигрантского сообщества преобладающим станет чувство тотального неприятия. В последние годы сделано немало попыток рассматривать ксенофобию как следствие делиберализации российского общества, точнее — как отторжение либеральных идей, толерантности и индивидуальных прав, того, что россияне так и не трансформировались в общество «современной личности».

Представляется бессмысленным развивать эту мысль, потому что общества с, казалось бы, безупречной либеральной репутацией порождают волны нетерпимости и ненависти, не свойственные даже «не про-

шедшим школу толерантности» народам. Не вступая в критическую полемику по этому вопросу можно только отметить, что для россиян иммигрантское сообщество вызывает беспокойство по критериям повседневности, удовлетворенности условиями жизни, уровня социального комфорта и социальной уверенности, так как ассоциируется с уходом государства от приписываемых обязанностей: заботиться о своих гражданах в сфере здравоохранения, образования, личной безопасности.

По мнению большинства россиян, и структуры, и российский бизнес заинтересованы в интенсификации иммиграции и воздерживаются от ведения даже минимальных норм регулирования по причине разрыва с обществом, утраты потребности в общественном диалоге, формировании у россиян чувства гражданского патриотизма. Практика привлечения мигрантов в качестве рабочей силы вызывает отторжение, так как в этом видится социальное штрейкбрехерство, стремление продолжать политику присвоения социальных ресурсов и воздерживаться от модернизации социальных и экономических институтов. Иммигрантские сообщества представляются как невольные союзники чиновников и бизнеса, так как делают упор на неформальные договоренности, не испытывая интереса к общественным настроениям.

В силу последнего обстоятельства закрепляется позиция признания иммигрантов «чужими», в которой существенную роль играют не реальные культурные и этнические различия, а образ жизни иммигрантского сообщества, ориентация на землячество, традицию, то, что воспринимается как свидетельство коллективного эгоизма и непроницаемости для социального взаимодействия. Наряду с этим, можно отметить влияние монетизации общественных отношений, когда критерием профессионализма, успеха, адаптированности, выступает умение делать деньги, и в этом смысле иммигрантское сообщество вызывает интерес только как конкурент за обладание социальными благами, а культурное и национальное своеобразие воспринимается исключительно этнографически. В иммигрантах не видят потенциальных партнеров по совместному участию в решении социаль-

ных проблем: привычка россиян обращаться к государству как высшей инстанции даже в тех случаях, когда необходима общественная инициатива, приводит к тому, что «умение мигрантов договориться» вызывает раздражение и недоверие.

Другими словами, в иммигрантских сообществах видится причина потери бюрократией чувства социальной ответственности, нежелания разговаривать с обществом на языке взаимобязанностей, так как мигрантская среда сформировалась в оппозиции к псевдосоциальности, имитации социальной активности, которая часто сводится к практикам петиций, жалоб или завышенных ожиданий. Вероятно, представляя Россию как общество «без правил и норм» иммигранты извлекают определенные преимущества из того, что свободны от социальных иллюзий и социальных мифов, удерживающих российское общество в парадоксальном состоянии жажды перемен и одновременно — отказа от любых форм социальной самостоятельности.

Представляется целесообразным считать, что мигрантофобия является следствием «смыслового» переноса: ее уровень определяется тем, насколько конкретные социальные группы и слои включены в процесс социальной интеграции и влияют на социальные перемены в российском обществе. Эта позиция подтверждается тем, что наиболее характерный уровень социального негатива принадлежит социально-пассивным группам населения. Если, к примеру, для российских пенсионеров негатив отчасти нейтрализуется советским интернациональным наследием, то российская молодежь, и прежде всего — слои социального исключения, демонстрируют неприязнь к «чужакам», которая не является ксенофобией в классическом варианте, то есть не связана с ощущением культурного превосходства, а проистекает из узости культурных и жизненных горизонтов, провинциализации сознания и тех условий социального исключения, которые основываются на недостаточной социальной ресурсности.

Для понимания базовых причин мигрантофобии в российском обществе важен вывод о том, что проблема иммиграции фактически отдана на откуп группам политического бизнеса — тем, кто пытается или делает карьеру на неясности и непоследовательности крите-

риев иммиграционной государственной политики, и на том, что мигранты часто вовлечены в теневую экономику и являются заложниками коррумпированных политических сил. На наш взгляд, даже если на практике достаточно сложно получить достоверные статистические данные, характеризующие нелегальную иммиграцию [4], речь должна идти о том, чтобы деление на легальную и нелегальную миграцию не вызывало эффект мигрантофобии.

На этот счет можно сказать, что необходимо совершенствование правовых механизмов, от состояния которых зависит то, каким образом закрепляются мигранты в принимающем обществе. Либо осуществляется выбор в пользу обращения к диаспорам, выступающим не только посредниками в вопросах трудоустройства и обживания нового места, но и снижающих интерес иммигрантов к интеграции в российское общество, так как диаспоры претендуют на представительство интересов иммигрантов и часто руководствуются схемой анклавизации, создания замкнутых этнических сообществ, либо иммигранты ориентируются на легальные процедуры самоопределения в российском обществе, ограничивая отношение к диаспоре в социально-бытовом и культурном контекстах.

Очевидно, что в российском обществе обнаруживается спрос на «прозрачную» иммиграцию, иммиграцию, открытую для общественного обсуждения, учитывающую критерии экономической целесообразности, политической лояльности и гражданской солидарности. С одной стороны, нельзя исключить, что на первых порах эта схема будет обладать меньшей способностью к решению проблемы, чем принцип диаспоризации. С другой стороны, становится ясным, что, отдавая эту проблему на откуп диаспорам и «специализированным» структурам, российское общество объективно страдает некомпетентностью, возрастает риск манипулирования общественными настроениями заинтересованные политическими силами — теми, кто желает нажить политический капитал на достаточно острой в восприятии россиян проблемой.

Разумеется, и в общественных настроениях пока не прослеживаются тенденции сделать эту проблематику актуализирован-

ной, выявить ее реальные позитивные и негативные аспекты, рассмотреть иммиграцию как значительный потенциал притока капиталов и человеческих ресурсов для социально-экономического развития [1]. Найти способы для продуктивного взаимодействия можно и оставаясь «иными». Но, другое дело, что в российском общественном сознании «иной» — это не тот, кто имеет социальные и культурные различия, которые могут приветствоваться, а субъект риска для достаточно ослабленного дезинтегрированного общества.

Можно сказать, что социально-культурные расколы внутри российского общества, неясные перспективы социальной консолидации налагают ограничения на допустимость альтернативных образов жизни. Если россияне и не испытывают чувства социальной зависти к разбогатевшим соотечественникам и не возмущаются по поводу вестернизации (американизации) социальных ценностей российской элитой, то можно сомневаться, что подобный уровень толерантности возникнет по отношению к мигрантам, позиционируемым как «иные».

Настоящее представляется большинству россиян как несовершенное состояние, то, что требует преодоления, терпимо только в силу стремления к порядку и стабильности: образ жизни и поведения иммигрантского сообщества может вызывать раздражение и недовольство по причине опасений, что потребуется адаптация к жизни в «мультикультуральном» обществе, а для россиян приоритетным является представление об обществе как о едином организме, обществе, которое может испытывать кризисные явления, но не становиться осколочным, состоящим из изолированных этнических и культурных сообществ.

И в этом смысле необходимо анализировать проблему мигрантофобии с точки зрения ее этноэклетики, замещения реальных эмпирических индикаторов романтическими и историческими вымыслами [1]. Схемы восприятия иммиграции складываются из «кочующих» стереотипов, приписывания иммигрантскому сообществу либо позитивных качеств, определяемых социальной ностальгией, по советскому интернационализму, либо оценки по критерию непреодолимых

этнокультурных различий, делающих диалог с мигрантскими сообществами практически невозможным.

Вразумительно оценить мигрантофобию означает сложить непредвзятое отношение к повседневному сознанию российского общества, к тому, что преодоление синдрома отчуждения зависит не от этноцентричности российского политического дискурса, принимающего на уровне повседневности смысловую «рассеянность», а от степени влияния «присутствия» иммигрантов на социальном микроуровне, в том, что часто называют «бытовым» национализмом.

Общество постепенно привыкло к девальвации социальных ценностей и, наверное, прежде чем попытаться преодолеть мигрантофобию через реализацию установок толерантности, необходимо выявить представления россиян о том, каким может быть нормативный образ мигранта, как общество настроено, чтобы признать миграцию как фактор социального благоприятствования. Конечно, можно согласиться с мнением С. Г. Ильинской о том, что в большинстве своем россияне испытывают дискомфорт по поводу укрепления властью принципа этничности в государственном строительстве [2], и вполне резонны опасения, что рост иммиграции может привести к требованиям не только символического, но и политического представительства мигрантов в российском обществе, к возникновению «синдрома Косово», к чувству «осажденной крепости».

Однако для успешной борьбы с мигрантофобией реальным представляется консолидирующий импульс для российского общества в том, чтобы согласиться с принципами интеграции иммигрантов на основе формирования новой гражданской идентичности и гражданской солидарности, в которой если и существуют культурные различия, то — как условия для диалога, взаимопонимания. Думается, что практикующий диаспорный принцип стимулирует изобретение культурных различий, сподвигает к тому, чтобы легитимировать претензии на обособленность в российском социальном и политическом пространстве.

Гражданская идентичность не является формальным подкреплением политики толерантности: на наш взгляд, в том, чтобы

иммигрант ориентировался на правовые и гражданские ценности, есть необходимость поддержки в российском обществе выбора культуры взаимопонимания, связанной с традицией «вселенскости», всеобщего блага, с осуществлением социальных проектов, имеющих консолидационную направленность, с выводом повседневного сознания из рутины самовывживания и опоры на круг близких.

Для того чтобы «понести в народ» эту идею, не следует ожидать появления слоя способного воспринять гражданскую солидарность: в той или иной степени запрос на доверие и взаимопонимание существует в различных слоях российского общества, что подтверждается настроениями россиян жить в обществе равенства перед законом и социальной справедливости. В контексте анализируемой проблемы это означает, что мигрантофобия появляется или исчезает из общественных настроений в зависимости от того, каково будет социальное самочувствие россиян, кем они будут себя ощущать в российском обществе: одиночками, от которых по существу ничего не зависит, или субъектами реального социального действия, позиция которых является стимулом для социальных

перемен, и в том числе — для отношения к иммигрантам как потенциальным согражданам или, по крайней мере, «желанными гостями».

С тем, что российское общество столкнулось с проблемой вхождения в плюралистическую ситуацию поздней современности [3] можно согласиться. Однако не следует возлагать чрезмерных надежд на государственность, для сохранения и развития которой необходимо широкое социальное участие в процессе самоопределения иммигрантов не на уровне коллективных диаспорных прав, а в качестве групп действующих по логике присоединения к принимающему обществу.

Литература

1. Бек У. Что такое глобализация? — М., 2001.
2. Ильинская С. Г. Толерантность. — М., 2007.
3. Капустин Б. Г. Россия и Запад на пути к миру миров. — М., 1993.
4. Миграционные процессы в условиях глобализации. — Ростов н/Д, 2005.

Поступила в редакцию

15 октября 2012 г.

Александр Константинович Дегтярёв — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и психологии ЮРГТУ (НПИ), автор исследований в области социальной философии, экономической социологии, социальных институтов и процессов.

Aleksandr Konstantinovich Degtyaryov — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor at The Southern Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) Sociology and Psychology department. Author of numerous works in the field of social philosophy, economic sociology, studying social institutes and processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-20; e-mail: socis_srstu@mail.ru

Лидия Ильинична Щербакова — доктор социологических наук, профессор, проректор по образовательной деятельности Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор исследований по проблемам социологии наёмного труда и другим проблемам социальных институтов и процессов.

Lidia Ilyinichna Shcherbakova — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, pro-rector for the educational activities at The Southern Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Author of numerous works, devoted to actual problems of hired labor sociology, and other problems of social institutions and processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-20; e-mail: socis_srstu@mail.ru

**II-я международная выставка
технологий для образования и профессиональной подготовки
«WORLDDIDAC ASTANA 2013»
Дата проведения: 09.04.2013 – 11.04.2013**

Организаторы выставки: Министерство образования и науки Республики Казахстан, международная ассоциация WORLDDIDAC.

Место проведения: Казахстан, Астана, р-н Есиль, ул. Достык, 3, ВЦ «Корме»

Контакты:
Тел.: +7 (7172) 57-82-29
Факс: +7 (7172) 57-77-35
E-mail: wd-astana@hotmail.com
Контактное лицо: Наталья Васкевич
